

Глава 15 — Храм ваджры.

[Поздравляю носителя системы с успешным входом, получена “пилюля божественного накопления”.]

«Пилюля божественного накопления?»

На лице у Су Циня воцарилась широкая улыбка, ведь он был очень сильно удовлетворён.

Пилюля божественного накопления являлась невероятно особенной лекарственной пилюлей. Да, она не могла усиливать тело, как это делала пилюля очищения костного мозга. Да, она не могла усиливать внутреннюю силу, как это делала великая оздоравливающая пилюля. Тем не менее, у пилюли божественного накопления было одно великолепное свойство, и оно было...

Формирование “Божественности”!

Вы спросите, что такое “Божественность”?

По мнению Су Циня, “Божественность” являлась собирательным термином, для эссенции, ци и духа человека.

В Даосизме она являлась первородным духом или же зарождением души.

В сущности, обычным мастерам боевых искусств, до первого ранга, не нужно было культивировать “Божественность”.

Это было потому, что любое сражение между мастерами боевых искусств, буквально было столкновением тел из плоти и крови, и столкновением внутренней силы. А что до божественности...

Даже великие мастера практически не обладали божественностью. И если они всё же смогли её прокультивировать, она, всё равно, была очень и очень слаба.

Поэтому если мастер боевых искусств хотел достичь состояния архата или же стать легендой, ему нужно было культивировать божественность.

Тело мастера боевых искусств из “высшего королевства” соединялось посредством канала с Небом и Землей. Оно постоянно омывалось ци мировой эссенции, и, через канал, оно притягивало силу Неба и Земли.

А что до легенд и архатов? Они полностью контролировали силу Неба и Земли, и они могли

уничтожить всё, просто взмахом ладони.

“Притягивать силу Неба и Земли” и “полностью её контролировать” – на самом деле было двумя абсолютно различающимися концепциями.

И вторая концепция была в миллион раз сильнее предыдущей.

Вы спросите: на что мастер боевых искусств должен полагаться для того, чтобы контролировать силу Неба и Земли?

Ответ на это вы получите чуть позже, а пока запомните вот что: перед могучей силой Неба и Земли, тело мастера боевых искусств было лишь пылинкой; оно было даже недостойно и упоминания.

Так что, если кто-то хотел полностью контролировать силу Неба и Земли, ему требовалась соответствующая “Божественность”. Она должна быть достаточно сильная, чтобы полностью обуздать эту “силу”!

Архаты должны были иметь невероятно сильную “Божественность”, и легенды так же не были исключением из этого правила.

Пилюля божественного накопления, что только что получил Су Цинь, была лекарственной пилюлей, предназначенной для усиления “Божественности”.

Нынче всё что было связано с “Божественностью”, было невероятно редким. И подобной пилюли было более чем достаточно, чтобы заставить двух великих мастеров, драться не на жизнь, а на смерть.

И это было даже в большей степени справедливо в отношении пилюли божественного накопления, ведь она могла напрямую помочь вам “накопить” божественность в теле.

«Мне стоит подождать».

«Ведь если я приму пилюлю божественного накопления, я не смогу прервать её работу. И если меня по какой-то причине прервут, оставшаяся медицинская эффективность пилюли попросту будет утрачена».

Молча подумал Су Цинь.

Он в течение десяти лет проявлял не дюжее терпение, так что, как он мог не потерпеть каких-то там пару-тройку дней?

Су Цинь являлся очень терпеливым человеком. В противном случае, он бы уже покинул Шаолинский храм, после достижения первого культивационного ранга. И он бы не стремился к тому, чтобы стать самым сильным человеком, во всём мире. Он хотел стать непобедимым!

Поздней ночью.

Повсюду была лишь тишина.

Су Цинь незаметно покинул зал разнорабочих и пришёл в простенькую тайную комнату.

Эта тайная комната располагалась под землёй. Су Цинь её построил в течение последнего десятилетия.

«Фуууууух!»

Су Цинь сел в позу лотоса и тихонечко выдохнул. Затем он проглотил пилюлю божественного накопления.

«Бдыщь!!!»

В тот момент, когда он её проглотил, Су Цинь почувствовал себя так, как если бы его бросили в горячие источники.

Через пару часов Су Цинь медленно открыл глаза.

«Вух!»

В тайной комнате внезапно появилась иллюзорная молния.

Тем не менее - это была не настоящая молния, вовсе нет! Даже наоборот - это было естественное явление, которое проявлялось лишь тогда, когда "Божественность" существа, в какой-то степени, была "достаточно сильной".

«Одна пилюля божественного накопления усилила мою "Божественность" в полтора раза!»

Су Цинь кивнул.

Культиваторы, что не имели редких сокровищ, в культивации "Божественности" могли полагаться лишь на себя. И такое сокровище, как пилюля божественного накопления, могло сильно сократить время культивации "Божественности". Тот прогресс, что он сделал под пилюлей божественного накопления, был эквивалентен пяти годам непрерывной культивации!

И это, как минимум!

Вкратце, пилюля божественного накопления сэкономила ему пять лет тяжёлой и непрерывной работы.

...

В нескольких тысячах ли от Шаолинского храма находилась еще одна величественная Буддийская секта под названием “храм Ваджры”. Это была еще одна Буддийская секта, что властвовала над миром.

К тому же храм Ваджры так же являлся великой сектой.

Однако же, по сравнению с увядающим Шаолинским храмом – в этом поколении, у храма Ваджры был поистине благополучный период.

Текущий аббат храма Ваджры был знаменитым святым монахом!

И в этот момент...

Под статуей золотого Будды, чьё воплощение находилось в храме Ваджры.

Аббат смотрел на молодого монаха, у того было набожное лицо, вследствие чего он в удовлетворении кивнул и заговорил:

- Ба То, ты прочитал все священные писания нашего храма, и теперь у храма Ваджры не осталось ничего, чему бы мы могли тебя обучить.

- Поэтому для тебя пришло время спуститься с горы.

- Отправляйся на север, а оттуда – к Шаолинскому храму. Там тебя будет ждать первая Буддийская секта нашего мира. Она имеет самое большое наследие, среди всех Буддийских сект, коих в нашем мире четыре. К тому же у неё есть особое наследие, что зовётся [ладонь Будды].

- Тем не менее, как ты уже знаешь, Шаолинский храм пришёл в упадок. К тому же он лишился [ладони Будды]. И всё же – это было не важно, ведь Шаолинский храм всё еще обладает поистине огромным наследием. Так что, если ты отправишься в Шаолинский храм, ты обязательно что-нибудь получишь.

Аббат, что смотрел на Ба То, медленно проговорил эти слова.

Да, аббат храма Ваджры был святым монахом. Тем не менее, когда он общался с молодым монахом по имени Ба То, он относился к нему, как к равному.

Это было потому, что молодой монах по имени Ба То был очень особенный.

Ба То родился в маленькой деревне; она находилась очень далеко от храма Ваджры. И когда он был рождён, всю деревню охватило еле слышимое Буддийское песнопение.

В их деревне находилась разрушенная статуя Будды. И когда Ба То было лишь три года отроду, он часто садился перед ней в позу лотоса. Причём, он сидел перед ней весь день напролёт.

Когда аббат храма Ваджры, из текущего поколения, обнаружил Ба то, ему уже было двенадцать лет отроду.

Как только аббат взглянул на Ба То, он тут же обнаружил, что у того было беспрецедентное понимание Буддизма, и поэтому он сразу же попросил его, вступить в храм Ваджры.

Как только Ба То вступил в храм Ваджры, он сразу же начал читать священные писания. И за восемь лет он прочитал вся священные писания храма Ваджры. К тому же он часто спорил с монахами из храма и в дебатах, он чаще побеждал нежели проигрывал.

Даже сам аббат проиграл в споре Ба То.

Подобное событие было просто невероятным.

В конце концов, кем был аббат? Он – святой монах, достигший первого ранга в культивации!

И всё же, он был “побит” в споре, каким-то двадцатилетним сопляком!

Если слухи об этом событии поползут по всему миру, можно было только представить, насколько сильно они шокируют людей.

Но, это было не всё.

У Ба То так же было невероятное понимание всех Буддийских культивационных техник. И после каких-то восьми жалких лет в храме Ваджры, он уже вошёл в “Серединное королевство”.

Подобное событие практически заставило аббата думать, что Ба То был реинкарнацией архата.

Из-за этого аббат провозгласил Ба То “избранным сыном” текущего поколения храма Ваджры, что было буквально эквивалентно наследнику храма и будущему аббату.

- Шаолинский храм? - Ба То взглянул на аббата слегка озадаченным взглядом.

Аббат кивнул:

- Шаолинский храм обладает тысячелетним наследием. К тому же там проживали люди, которые достигли состояния "просвещённый архат".

- Ты отправишься в Шаолинский храм для того, чтобы обсудить Буддизм с младшим поколением Шаолинского храма. Ты это сделаешь во имя храма Ваджры.

На лице аббата появилась улыбка.

Каждые несколько десятилетий, четыре Буддийские секты этого мира собирались вместе, чтобы продебатировать тему: "О Будде".

И причина, по которой Шаолинский храм занимал первое место среди всех Буддийских сект этого мира, заключалась вот в чём: в предыдущих дискуссиях на тему "О Будде", Шаолинский храм всегда одерживал верх. В этой теме у него было огромное преимущество.

Тем не менее, на этот раз, аббат с нетерпением ждал результата предстоящих дебатов. Ведь в дебатах на подобную тему, кто среди учеников Шаолинского храма сможет составить Ба То конкуренцию?

- Да, аббат.

Ба То слегка поклонился и ответил.

- Запомни. Буддизм проповедует безразличие (равнодушие) к миру [1]. Он к нему стремится. Тем не менее, дебаты "О Будде" - это другое. Они являются идеальным дружественным соревнованием четырёх Буддийских сект. И проигравших в них нет, лишь победители.

Напомнил ему аббат.

- Этот нищий монах понимает, аббат, - Ба То развернулся и пошёл в свою комнату.

Он собирался подготовиться к путешествию в Шаолинский храм.

После того, как Ба То ушёл, аббат остался стоять под золотой статуей Будды, а на его лице была широченная улыбка.

Ведь он знал, что Шаолинский храм, на этот раз, точно проиграет дебаты храму Ваджры. Ему

это было суждено и уготовано.

[1] Ниббана и безразличие — Бхиккху Бодхи (статья NiMa, орфография сохранена).

... Говорить о Нирване как о состоянии «совершенного безразличия для мира» — это является весьма вводящим в заблуждение. Слова «равнодушие к миру» предполагают отсутствие интереса к судьбе других людей и общества в целом, это состояние полной апатии или черствость, уход в себя и сосредоточение на себе самом. Ничто не может быть дальше от идеала Араханта («Освобожденный»), — то есть человека, который в ходе прилежной практики учений Будды в течении определенного срока достиг Ниббаны.

На языке пали слово, которое совершенно неверно понимают иногда как «безразличие», — это вероятно, упеккха (санскр. *upekṣā*). Истинный смысл этого термина «равенство» (вариант: равносность, непредубежденность), — а не «безразличие» в смысле отсутствия интереса к другим. Также в качестве духовного достижения упеккха означает невозмутимость (равносность) перед лицом колебаний и штормов в судьбах мира.

Это баланс ума, непоколебимая свобода сознания, сбалансированность и внутренняя мирная гармония ума, — ума, который уже не может быть поколеблен приобретениями или утратой, достоинством или бесчестием, хвалой и клеветой, удовольствием и болью. Упеккха это освобождение от всех точек отсчета, безразличие к требованиям эго, — а вовсе не безразличие к благополучию других людей.

В отношениях с другими людьми, и, на самом деле, со всеми живыми существами, — хороший настоящий искренний буддист по мере сил старается воплотить четыре качества, которые сам Будда называл как четыре «божественные обители» (брахмавихара, т.е. безмерные). К ним относятся:

— неограниченная любящая доброта (метта), активное пожелание добра и счастья для других людей;

— неограниченное сострадание (каруна), чувство сопереживания за страдания других существ, это искреннее движение сердца, которое хочет облегчить страдания других в их беде;

— альтруистическая радость (мудита), желание разделить удачу всех тех, кто счастлив и успешен в своих благородных начинаниях;

— равенство и равносность (это снова та самая упеккха), которые по отношению к людям означает свободу от предвзятости, предрассудков и фаворитизма (личной предпочтительности).

... Таким образом, быть без привязанностей — не означает быть без любви и сострадания; это значит, что любовь и сострадание возникает из внутренней глубины, из источника, более глубокого и чистого, чем узкую перспективу личного эго, очищая собой все следы

беспокойства и тревоги.

Буддийские писания предоставляют обширные свидетельства того факта, что достижение Ниббаны не вызывает холодное равнодушие к миру. Сам Будда, Верховный Просвещенный, — после его Великого Пробуждения в возрасте 35 лет, в течение 45 лет вел активную жизнь, проповедуя и распространяя Учение (Дхамму) и обращая в него всех тех, кто с ним повстречался.

Вместо того, чтобы оставаться в безмятежном безразличии, он пересек долину Ганга из Дели в Бенгалию, проповедуя учение, которое ведет к Нирване, и установил Сангху, религиозную общину, которая несет его благую весть после его ухода. На протяжении всей истории великие буддийские духовные учителя Дхаммы усердно следовали этому благому примеру Основателя, — следуя его рекомендациям, в которых было ясно и прямо сказано, что необходимо действовать «на благо и счастье многих и многих, из чистого сострадания для всего мира.» ...

<http://tl.rulate.ru/book/52161/1457036>